

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
МАТЕРИАЛЫ
ПО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. В. НИКИТИНА
В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Разбор книги И. Анненского
«Вакханки. Трагедия Эврипида. СПб., 1894»
(Об 11 присуждении премии имени А. С. Пушкина в 1895 г.)

[л. 22] Книга г. Анненского весьма богата содержанием: кроме перевода одной из трагедий Эврипида она дает биографию трагика, общую характеристику свойств его поэзии, очерк Дионисовской мифологии и религии и наконец — психологический анализ трагедии «Вакханок».

В этих отделах, составляющих предисловие и послесловие к переводу, автор очень живо, порой даже увлекательно, слогом бойким и одушевленным, хотя и несколько манерным, излагает большой запас сведений, почерпнутых из значительного числа пособий, а также и некоторые собственные более или менее любопытные соображения. Благодаря главным образом этим отделам книга может быть полезным пособием особенно для [л. 22 об.] юных классиков, только что приступающих к изучению Эврипида.

Но центром книги, как выражается сам ее автор (стр. VIII), является стихотворный перевод «Вакханок». Только перевод и может подлежать разбору, когда дело идет о присуждении премии имени А. С. Пушкина.

Г. Анненскому удалось счастливо преодолеть немало тех трудностей, с которыми соединено переложение на новый язык какой бы то ни было греческой трагедии, особенно этой Эврипидовской. Зная греческий язык и изучив главные пособия, касающиеся избранного произведения, переводчик не мог, конечно, сделать грубых промахов в понимании подлинника. Но более или менее значительные отступления от подлинника встречаются в переводе нередко. Я сомневаюсь, чтобы Эврипид, [л. 23] если бы имел возможность высказать свое мнение, одобрил хотя бы одно из этих отступлений. Нет оснований думать, что они допущены из желания превзойти оригинал. Большинство не следует объяснять и ошибочным пониманием подлинника, а скорее всего, как мне кажется, тем, что переводчик не вполне еще овладел стихотворной формой. Она не столько вдохновляет его, сколько мешает ему точно и полно выражать свое часто совершенно правильное понимание.

По той или другой причине, но не совсем удачно выражено, например, это место. Престарелый Кадм, собираясь чествовать Диониса вакхической пляской, обращается к пророку Тиресию со словами, которые в переводе г. Анненского (ст. 198 сл.) имеют такой вид: [л. 23 об.]

«Не правда ли, ты укажешь, где плясать мне
И где, остановившись, затрясти
Седую головой?»

Перевод возбуждает несколько комическое представление о старике, который, среди пляски, по чужому указанию на некоторое время вдруг останавливается специально с той целью, чтобы потрясти головой. Правильнее было бы понять подлинник приблизительно так: «куда идти мне с пляской, куда стопы направить, потрясая седую головой?». Напрасно переводчик не послушался тех комментаторов, которые объясняют, что потрясение головой, [л. 24] закидывание головы, упоминаемое тут, одно из обычных телодвижений вакхической пляски.

Начало первой речи Пенфея переведено так (ст. 232 сл.):

«Едва успел вернуться я домой
Дурные вести слышу отовсюду».

В подлиннике «отовсюду» нет, но зато Пенфей говорит там, что дурные вести он получил, находясь вне пределов своей земли: таким образом объясняется (а эта подробность имеет все-таки некоторое значение), почему он не мог заблаговременно остановить распространение того, что считает глупым и зловредным суеверием.

Так называемый панический ужас описывается в переводе (ст. 333 сл.) такими словами: [л. 24 об.]

«когда порой
Вооруженное и жадное сразиться
Вдруг, жертвой страха сделавшись, бежит
Без боя войско — это чары Вакха».

Выражение «жадное сразиться» может быть удобно для стиха, но неудобно по смыслу. Более уместно то, что дано в подлиннике, не «жадное сразиться», а «поставленное в строй»: или «построенное к битве» и не «чары Вакха», а «безумие от Вакха».

В уста вакханок г. переводчик влагает такое сопоставление (ст. 456):

«Пиры,
Вакху угоднее вы,
Милов Зевсову сыну!
Но мир — добрый податель благ,
Общий кормилец — милее».

И здесь изменен слегка смысл подлинника, очевидно, только ради стиха, хотя сомневаюсь, сумеет ли оценить [л. 25] или даже хотя бы только проскандировать такие стихи русский читатель. В подлиннике сказано, что Дионис любит пиры и мир, а что мир ему милее пиров — об этом там ни слова; скорее — нужно думать — этому богу мир потому только и угоден, что пирам благоприятен.

Слуга Пенфея говорит у г. Анненского о вакханках, освободившихся из заключения (482 сл.):

«Случилось чудо: узы их распались,
И убежали пленницы. Поди,
Теперь опять они на волю скачут
И в чащу леса Бромия зовут».

Слуга передает то, что видел, а не свои предположения: поэтому слово «поди», наполняющее пустое место в стихе, не кстати. Оно не имеет себе никакого соответствия в подлиннике, который, если правильно его [л. 25. об.] понимать, ничего не говорит и о том, будто Вакханки зачем-то звали Вакха в чащу леса.

На вопрос Пенфея, «с какою вестью ты явился?» вестник в ст. 719 сл. перевода отвечает:

«Поведать про божественных менад:
В безумном беге белыми ногами
Они мелькают, и чудес не мало,
Каких чудес я нагляделся, царь.
Тебе и городу рассказ мой да поможет».

В греческом тексте не говорится, что рассказ должен помочь кому-нибудь, там нет и такого построения речи, при котором выходит, будто вестник желает поведать именно о том важном обстоятельстве, что менады мелькают белыми ногами, и будто те чудеса, на которые нагляделся вестник, имеют какую-то соприкосновенность с белыми ногами. Слова подлинника значат приблизительно [л. 26] следующее: «я видел тех грозных вакханок, которые, словно безумные, стремительно выбежали белыми ногами из этой земли, и поэтому пришел сказать тебе и городу о необычайных, превосходящих всякую меру чудесного делах, которые они совершают».

Тот же вестник говорит у г. Анненского (750 сл.) о вакханках, приводящих в порядок свое убранство:

«Сначала кудри распускают по плечам,
А у кого небрида распустилась,
То подвязать спешат и пестрой лани
Опять покров змеей подпоясать.
И змеи им при этом лижут щеки».

[л. 26 об.] У Еврипида употреблено выражение, которое значит «лелизать чужие щеки», а «облизываться», «лизать свои собственные губы» — выражение довольно обычное в тех случаях, когда описывается движение змеиного жала. Выражение покров пестрой лани в смысле покров, сделанный из шкуры пестрой лани, как мне по крайней мере кажется, слишком смело для трезвой русской речи. Даже в подлиннике сказано гораздо проще: пестрые (или пятнистые) шкуры.

Вакханки, раздраженные нападением пастухов, бросаются на стадо и рвут животных на части. Переводчик так рисует (798 сл.) картину опустошения, производимого исступленными поклонницами Вакха:

«Там бок,
Посмотришь, вырванный. Там пара ног передних
На землю брошена, и свесилось с ветвей
Сосновых мясо и сочится кровью».

[л. 27] Может показаться странным, почему такой участи подвергались именно передние ноги, да еще непременно парами. В этих странностях не Еврипид виноват: он говорит не о паре ног и не о передних ногах, а о ноге с раздвоенным копытом.

Разъяренные вакханки нападают на селения и все там разрушают или уносят с собой. Что же делают жители селений?

«Потоком уносимые пытались
Оружие поднять» —

говорит о них переводчик (ст. 817).

Получается, следовательно, такая картина: среди стремглав несущихся женщин увлекаемые их массой бегут поневоле и поселяне, на бегу поднимая откуда-то взявшееся оружие. Может быть, это и красиво, но то, что сказано в подлиннике, значит не потоком уносимые, а лишенные своего достояния.

[л. 27 об.] Пенфей, собираясь идти смотреть на оргии вакханок, у г. Анненского говорит (ст. 873):

«Позорно пьяными я видеть их хочу», а у Еврипида: «Горько мне было бы увидеть их опьяненными».

Дионис, устроив гибель Пенфея, уговаривает его одеться вакханкой и в этом виде отправиться к месту сборища вакханок. Пенфей, колеблясь, говорит:

«Войдем в дом; там я решу, как найду нужным». На это Дионис у Анненского отвечает:

«И то войдем»,

а потом «в сторону» восклицает: «Идет отлично дело» (ст. 903) —

восклицание скорее приличное комическому интригану, чем божествен-

ному персонажу трагедии. У Еврипида Дионис говорит, (конечно, не «в сторону»): «как тебе угодно. Я на все готов».

Пенфей скрывается на вершине высокой ели. [л. 28] Вакханки замечают присутствие соглядатая. Что последовало дальше, в переводе так излагается (ст. 1154):

«По соседству
Утес нашли и камнями швырять
В него пошли; ветвями отбивался
Он, сколько мог».

В подлиннике, само собой разумеется, нет ничего подобного, ни слишком благозвучной рифмы нашли—пошли, ни вульгарности выражения швырять пошли, ни двусмысленности местоимения него; нет там речи и о том, будто Пенфей ветвями отбивался: там есть стих, который — подложен он или нет — во всяком случае не может иметь другого смысла, кроме этого: в Пенфея бросали еловыми ветвями.

Даже в том же рассказе у г. переводчика (ст. 1162 сл.) [л. 28 об.] менады, осаждающие Пенфея,

«набравши сучьев дуба,
стараются (железа нет у них)
Ель отделить от корней».

Перевод так темен, что нельзя наверное сказать, какое представление переводчик соединял с этими словами. В подлиннике вакханки, пользуясь дубовыми ветвями, как рычагами или ломами, пытаются расшатать и вырвать из земли корни того дерева, на котором находится несчастный Пенфей.

Против перевода напечатан в книге греческий текст трагедии. На самостоятельность в построении текста г. Анненский не заявляет притязаний. Но странно, что в некоторых случаях, им не оговоренных, его перевод уклоняется от им же принятой редакции текста в сторону других редакций.

Стихи 297 сл. перевода гласят:

«Вреден гражданин, коль, смелый и речистый,
Он, власть имея, смыслом обделен».

[л. 29] Ничего похожего на слова «власть имея» нет в том тексте, который помещен лицом к лицу с этим переводом. Правда, подобным образом переводят это место и другие переводчики (например, Fih, Hartung), но они имеют в виду рукописное чтение $\delta\upsilon\nu\alpha\tau\acute{o}\varsigma$, а в тексте, принятом у г. Анненского это чтение заменено словом $\gamma\lambda\acute{o}\sigma\sigma\eta$, не имеющим никакого отношения к власти.

Еще разительнее разлад между переводом и текстом в стихах 1004 сл. Перевод дан такой:

«Как думаешь, смогу-ль я Киферон
С вакханками взвалить себе на плечи?»

Так приблизительно передается это место и в других переводах. [л. 29 об.] Но те сделаны по тексту, в котором читаются αὐταῖσι Βάκχαις; а в текст, принятый г. Анненским, вместо этого чтения введен вариант αὐταῖσιν ἑλάταις, который значит не «с вакханками», а «с елями».

Чаше подобных недосмотров встречаются в переводе такие места, в которых содержание подлинника, понятое, может быть, совершенно правильно, передано не вполне или без достаточной ясности и определенности или в выражениях странных и необычных.

Как трудно, например, понять 210 стих перевода: «А мы одни — на игрище из граждан?» В подлиннике ясно и просто: «мы одни из всего города будем плясать в честь Вакха?»

543-й стих: «Взять дерзкого! Он оскорбил царя» слабее подлинника, в котором дано не одно, а два обвинения: «Он оскорбляет меня и Фивы». [л. 30] Такой же пропуск находим в 1138-м стихе перевода: «Я вам веду того, кто осмел меня и оргии». У Еврипида сказано: «вас, меня и мои оргии».

О вакханках, спутницах Диониса, Пенфей г. Анненского говорит (ст. 557):

«А его пособниц, женщин,
Что он с собой привел, я распродам,
Иль, отлучив от глупого стучанья
И кожаной той музыки, к станку приставлю».

Переводчик от себя прибавил к слову «стучанья» эпитет «глупого» и рискнул очень сильным для русской речи сочетанием «кожаная музыка»: едва ли читатель догадается, что «кожаная музыка» — это музыка тимпанов, или бубнов. Яснее было бы выражение в роде: «заставив их забыть [л. 30 об.] гудение и грохот бубнов».

Одну из песен хора г. Анненский начинает словами (ст. 560 сл.):

«Здравствуй, Дирцея,
Ахелая старца дочь,
В блеске девственном богиня!
Помнишь, ты когда-то в волны
Семя Зевса приняла».

Только заглянув в греческий текст, можно понять, что «в блеске девственном» значит «прекрасная дева». Выражение «семя Зевса» при таком контексте представляет двусмысленность, чуждую подлиннику: читатель не сразу поймет, что семя употреблено тут в смысле «недоношенный ребенок». Мимоходом сказать, мы недоумеваем, почему греческие собственные имена должны олатиниваться прежде, чем попасть в русский стих,

почему Дирка или — если угодно — Диркея должна превращаться в Дирцею. Напрасно г. переводчик [л. 31] вспомнил латынь и в стихе 655, употребив слово «вакханалии».

В стихах 652 сл. перевода читается:

«Пали ниц вы, и прониклись силой Вакха,
Когда дом он рушил». —
«Страхом
Вы объяты, пали ниц?.. А, видно,
Содрогнулись вы пред силой Вакха,
Когда дом он рушил?»

Двум последним предложениям в подлиннике соответствуют слова, буквальный смысл которых приблизительно таков: «Вы видели, что Вакх потряс чертог». По-видимому, г. переводчик полагает, что выражение «проникнуться силой Вакха» может быть равносильно с выражением «проникнуться сознанием силы Вакха»: едва ли это так.

[л. 31 об.] Пастух рассказывает у г. Анненского (ст. 734): «Быков на пастбище я в горы гнал». Но он гнал в горы не одних быков (см. ст. 796), а гнал целое стадо, в котором быков, конечно, было гораздо меньше, чем коров. Правда, у наших гимназистов в переводах с греческого очень часто являются «стада быков», но это происходит от дурной привычки переводить греческое βοῦς непременно словом «бык». Что слово μόσχος, употребленное здесь Еврипидом, означает и коров, видно из 735 стиха подлинника.

Да и в стихе 796-м перевода вакханки

«Корову
С набрякшим выем и мычащую волочат»

Чтобы понять слово «набрякший», я должен был справляться в академическом словаре и с Далевским. В первом такого глагола нет, из второго узнал я, что тамбовцы и рязанцы употребляют «набрякнуть» в смысле «опухнуть, отечь, раздуться». Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что это — такой провинциализм, который совершенно не подходит к тону классической трагедии. Может быть, я ошибаюсь также, считая форму [л. 32] «выем» поэтической вольностью тем менее простительной, что несмотря на эту вольность стих все-таки выходит на целую стопу длиннее, чем следует.

Скорее, пожалуй, следует помириться с выражением стиха 975:

«Лазучит? мать и пляшущих вакханок», так как словари показывают, что лазучить старинное русское слово.

Но едва ли следовало в стихе 1040-м называть Пенфея «лазутчиком мэнад» не в смысле «лазутчик, посланный мэнадами», а в смысле «лазут-

чик, тайком смотрящий на мэнад». Сомневаюсь, встречается ли такой синтаксис где-нибудь кроме другого места перевода (ст. 1074) г. Анненского, где читается:

«Лазутчик мэнад нацелил напасть
На стаю вакханок»,

где слово «лазутчик» меньше соответствует подлиннику, чем, например, слово «ловец».

[л. 32 об.] В слоге своего перевода г. Анненский стремился, по-видимому, как можно более приблизиться к живости обыденной разговорной речи. Но, кажется, в этом стремлении он заходил иногда слишком далеко. То выбор слов, то оборот фраз в его переводе нередко представлялся мне противоречащим стилю греческой трагедии, который у Еврипида все еще остается очень разборчивым, торжественным и величавым.

Престарелого Кадма г. Анненский заставляет обращаться (ст. 192) к Тирегию со словами: «Иду, иду. Смотри, как обрядился!» Но ни той светливой торопливости, которая слышится в повторении «иду-иду», ни того подшучивания над священным нарядом, которое выражено словами «смотри — обрядился», нет в подлиннике. В стихе 992 Дионис, снаряжая Пенфею, кричит на царя: «Ну, голову прямей». В подлиннике совсем не слышно такого грубого тона ни в речах Диониса вообще, ни в обращении его к Пенфею.

[л. 33] Пенфей, увидев Тирегию в вакхическом облачении, восклицает в 272 стихе перевода:

«Ба! Что вижу! Новость!
Еще диковинка: Тиресий чудодей» и т. д.

В подлиннике нет комического междометия ба, нет и этого многословия восклицаний, а есть слова, которые значат: «Но, вон, еще другое чудо», и Тиресий там не «чудодей», а то, чем ему и быть следует — «толкователь знамений».

В той же речи, обращенной к Тирегию, Пенфей г. Анненского говорит (ст. 280 сл.):

«Видно снова хочешь,
Вводя к фиванцам бога, погадать
По птицам и за жены взять деньжонок»

Греческий язык был по меньшей мере так же богат уменьшительными именами, как и русский, и греческие трагики имели бы полную возможность пользоваться этим способом выражения, если бы хотели; но они не хотели, и здесь у Еврипида на месте «деньжонок» стоит слово (μισθός), которое значит [л. 33 об.] «плата» и которое употребляется и в героическом Гомеровском эпосе и в высокопарнейшей Пиндаровской лирике, и, следо-

вательно, не способно было производить на слушателей Еврипида того скверно-прозаического впечатления, какое производят «деньжонки».

Впрочем, это место вообще не удалось переводчику: оно выражено у него так, что читатель, не понимающий греческого текста, не поймет и перевода. В подлиннике Пенфей высказывает подозрение, будто Тиресий потворствует введению почитания нового бога в том корыстном расчете, что — будет лишний бог — будут и лишние поводы получать плату за гаданье по птичьему полету и по жертвам. Переводчик не попытался выяснить эту мысль и особенно затемнил ее тем, что греческие глагольные формы, обозначающие длительность или многократность действия [л. 34] заменил такими, как «погадать» и «взять».

Ни буквальному смыслу, ни смыслу подлинника не соответствует уменьшительное «холодок» и в этих стихах перевода (ст. 497 сл.):

«Не на припеке солнца, в холодке

Ты кожу белую свою лелеял,

Когда красой Киприду уловлял».

В подлиннике дано слово, которое не значит ни холодок, ни холод, а тень. Выражение «когда красой Киприду уловлял» довольно близко подходит к буквальному смыслу греческого стиха, но не подходит к контексту и очень неясно. Читатель, который действительно нуждается в переводе, составит себе по этим русским стихам такое ложное понимание слов Пенфея о Дионисе: «Дионис где-то в холодке пытался влюбить в себя богиню Киприду и во время этого занятия лелеял свою белую кожу». В подлиннике «Киприда» значит «любовь», [л. 34 об.] а цельная мысль такова: Дионис лелеял свою кожу для того, чтобы своей красотой возбудить любовь, добиваться наслаждений любви.

Пенфей, молодой, но вполне совершеннолетний царь, прося пошады у Агавы, восклицает у г. Анненского: «О мама. Это я». Греческие дети называли своих родителей словами, очень точно соответствующими нашим «мама», «папа», «тятя»; но нечего и говорить, что Еврипидовский Пенфей называет свою мать не «мамой», а «матерью».

В 1446 стихе перевода царь Кадм, обращаясь к дочери, называет ее «дитятко». Если бы переводчик хотел переводить буквально, он должен был бы сказать «дитя», а лучше сказал бы «дочь моя».

[л. 35] В ст. 500: «Скажи, почтеннейший, откуда родом?» и в ст. 876: «Ведь выследят, как ни таись, любезный» фамильярные обращения «почтеннейший» и «любезный» прибавлены переводчиком от себя едва ли в духе подлинника.

Удивительно, что русскому переводчику греческой трагедии не претят слова французского и немецкого происхождения, например, в ст. 514:

«Узнать тебя нельзя, а интересно» или в ст. 515: «Поклонников вербуешь ловко ты», или в ст. 774 сл.:

«Бывалый человек нашелся тут
И мастер говорить» —

удивительно тем более, что эта пестрота языка по крайней мере в двух [л. 35 об.] первых случаях скорее вредит, чем способствует точности перевода.

Не соответствует подлиннику и 519 стих: «Опять вилять. Дело говори», не соответствует ни вульгарностью глагола «вилять», ни смыслом.

Пенфей г. Анненского угрожает (ст. 855):

«В ущельях Киферона
Я в жертву Ваху самок перебую».

Не знаю, ради какого стилистического эффекта вакханки названы самками. На мой вкус стих не был бы хуже ни по близости подлиннику ни по своему складу, если бы самок заменить женщинами.

Агава, убив сына, хвалится этим делом, как подвигом смелого охотника; она говорит отцу: ты можешь гордиться мной; [л. 36] оставив ткацкие станки и челноки, я обратилась к более высокому занятию: руками я расправляюсь с дикими зверями». У г. Анненского эта мысль выражена так (ст. 1307 сл.):

«Ты сестрами гордись, но больше мной:
Ты знаешь, как я от станка шагнула?
Зверей, отец, руками я ловлю».

Сильно мне сдается, что для этого шагнула аналогии найдутся не в стихотворной речи какого-нибудь их русских классиков, а в жаргоне мелкого чиновника, мечтающего о том, как хорошо было бы шагнуть из титулярных прямо в действительные статские.

На вопрос Диониса, хотел ли бы Пенфей увидеть оргии вакханок, Пенфей отвечает у нашего переводчика (ст. 871):

«Еще бы! золотом я тысячу бы дал»,

Дионис снова спрашивает:

«Что ж посмотреть менад так загорелось?»

[л. 36 об.] Что может значить творительный падеж «золотом»? «Золотом», а не кредитными бумажками? Проще и яснее было бы выражение «много золота я дал бы». Сочетание «загорелось посмотреть» мне кажется не подходящим для трагического стиха, но переводчик, очевидно, не желает признавать никаких стилистических ограничений. Он считает возможным пользоваться одновременно и такими архаизмами, как «юница» (ст. 1136), и такими словами и выражениями, как «деньжонки», «интересно», «самки», «вилять», «швырять пошли», «взбесились вы» (ст. 1370), «вот навязался-то болтун беспутный» (ст. 859) и т. п.

Долго недоумевал я над этим местом перевода (ст. 787 сл.):

«Случись, что около меня в своем раденье

Агава очутилась, чтоб схватить

Ее, я выскочил, — и тем открыл засаду.

И-их! закричала — «Борзые, за мной,

За мной быстрые! менад мужчины ловят:

Тирс в руки, борзые, и все, и все — за мной».

[л. 37] Меня смущало не однообразие этих бессмысленных повторений (борзые — быстрее — борзые, за мной — за мною — за мной, и все и все (в подлиннике всего одно повторение: следуйте, следуйте за мной) и не чрезмерная длина некоторых из этих стихов: к этим мелочам скоро приходится привыкнуть при чтении этого перевода. Нет, долго я не понимал смысла и размера четвертого из этих стихов. Теперь, если не ошибаюсь, понимаю: «и-их» это — какое-то междометие, в котором двумя «и» должны обозначаться не два отдельных слога, а протяжное произношение одного слога. Ужели и такие звуки позволительны в стихотворном переводе греческой трагедии?

[л. 37 об.] На заглавном листе книги г. Анненского сделано такое обозначение: «стихотворный перевод с соблюдением метров подлинника». Это обозначение имеет какой-нибудь смысл только в отношении к лирическим, к песенным партиям трагедии. Г. Анненский действительно пытался воспроизвести стихотворную форму этих партий. Давно и, по моему мнению, вполне справедливо все такого рода попытки осуждаются как тщетные и бесцельные. Стихотворные размеры тех древних греческих текстов, которые предназначались для пения, имели совершенно особый, никак уже средствами тонического стихосложения не передаваемый характер; они были скорее произведениями музыкального, чем стихотворного искусства, [л. 38] точно приносившаяся к ритмам той мелодии, которая имела в виду при самом их создании; по этому самому их строй имел смысл и красоту только до тех пор, пока такие тексты действительно пелись, пока вместе с ними существовали их мелодии. Так как переводчик не может дать этих мелодий, то он должен дать стихи, которые и при чтении, а не при пении только были бы благозвучны, т. е. русский переводчик должен держаться этих стихотворных форм, которые уже усвоены русской художественной лирикой. Вместо того г. Анненский предпочел подбирать такие сочетания ударяемых и неударяемых русских слогов, которые представляли бы некоторое сходство с сочетаниями долгих и кратких слогов [л. 38 об.] подлинника. Задача перевода на какой бы то ни было новый язык произведений хоровой песенной лирики греков без того уже представляет величайшие трудности. В употреблении эпитетов, сложных слов, тропов и фигур, в построении предложений и способах их сочетания этот литературный вид удалялся от логики

прозаической речи с такой свободой, какая не мыслима была даже в самой греческой поэзии в других ее видах, не говоря уже о скромной простоте стиля русского поэтического языка. Сколько-нибудь буквальный перевод таких греческих тестов невозможен. Чтобы такую своеобразную литературную форму со всей ее пластичностью и с ее пафосом сделать доступной пониманию и эстетическому вкусу современного читателя, от переводчика [л. 39] требуется выдающееся мастерство и в собственном смысле слова творчество. Наш переводчик, без сомнения, сильно затруднил для себя выполнение этих существенных сторон своей задачи, погнавшись за соблюдением метров подлинника, и вместе с тем поставил себя в необходимость пользоваться такими формами стиха, которые то внезапным переходом из одного размера в другой, то изменением числа стоп, то непосредственным соседством двух ударяемых слогов способны скорее затруднить русского читателя, чем доставить ему наслаждение.

Едва ли читатель совладеет, например, с этими стихами (ст. 80 сл.)

«Прочь с дороги, с дороги!

Скройтесь в дома, и уста благоговейно

Пусть сомкнутся: Диониса петь я буду,

Как его везде я славлю и всегда» —

[л. 39 об.] едва ли сумеет проскандировать их так, чтобы первый стих не дисгармонировал с последующими трохеями, не казался фразой чисто прозаической и по складу и по смыслу.

А в этом месте (ст. 111 сл.):

«Когда же приспел ему срок,

Рогатого быка родил он,

Из змей он венок ему сделал:

С той поры этой снедью звериной

Обвивает менада чело».

Читатель, наверное, споткнется на предпоследнем стихе. Камнем преткновения будет и содержание, невозможность понять, в каком это смысле венок из змей называется змеиной снедью, и форма стиха. А ведь последнее затруднение, казалось бы, так легко было устранить. Стоило только вместо «с той поры» поставить «с тех пор».

[л. 40] Не так легко сгладить стихи 411 сл.:

«Неужели — же Пенфей

От очей твоих ушел

И безбожный гнев укрыл»¹.

¹ Боюсь, что эти стихи своим размером на русского читателя произведут совсем нетрагическое впечатление, напомнив знаменитую песню, «Чижик, чижик, где ты был?»

или стихи 920 сл.:

«Милая ночь, придешь ли?
Вакху всю я тебя отдам,
Пляске — белые ноги;
Шею — росе студенной.
Лань молодая усладе
Луча зеленого рада.
Вот из облавы вырвалась,
Сеть миновала крепкую.
Свистом охотник пускай теперь
Гончих за ланью шлет.
[л. 40 об.] Ветер — у ней в ногах,
В поле — раздолье.
Берегом мчатся отрадно ей...»

или ст. 1041 слл.:

«И первая мать с открытой скалы
Увидит, как крадется он,
И крикнет она:
Смотрите: чужой
Из Фив на Киферон наш, на Киферон пришел.
Кто породил его? Крови не женской он.
В нем львицы скорей порода видна,
Ликийских горгон».

Такое совершенно напрасное ломанье русского стиха из заботливости о мнимой верности стихотворным формам подлинника тем менее понятно у г. переводчика, что в переводе драматических партий, т. е. большинства стихов трагедии, он этой заботливостью себя не стесняет. Ямбический триметр, т. е. шестиямбовый стих, подлинника [л. 41] он передает пятистопными ямбами, нигде не оговаривая этой своей измены «метрам подлинника», как будто сам ее не замечая и не сознавая. Я далек от намерения упрекать его за такое отступление от оригинала. Напротив, по моему мнению, г. Анненский заслуживал бы величайших похвал, если бы ему удалось применить к переводу Еврипида то устройство белого пятистопного ямбического стиха, какое этот стих имеет в «Борисе Годунове». Но, кажется, наш переводчик мало думал об этом образце стихотворной нормы, наиболее подходящей к характеру высокой трагедии. О соблюдении цезуры после второго ямба он не заботится. Между тем как в «Годунове» эта норма нарушается только при известных условиях [л. 41 об.] и то всего лишь дважды², наш

² «У Вишневецкого; что на одре болезни» и «Ты, отче, патриарх, вы все бояре».

переводчик нарушает ее очень часто. Нередко он дает стихи даже совсем без цезуры. Таков, например, стих 290: «Постоявшего? колос земнородный» и довольно многие другие (например, 35, 52, 62, 194, 256, 258, 265, 321, 331, 336, 403, 527, 541, 733, 826, 856, 858, 994, 1141, 1145). Не спорим, что строгие формы стиха «Бориса Годунова» могли быть слишком стеснительны для переводчика и что последний в свое оправдание мог бы привести не мало примеров бесцезурных стихов, как из других наших стихотворцев, так и из других поэм самого Пушкина. Более этих ямбов, не имеющих ни рифмы ни цезуры, удивляет нас то, что г. переводчик не вспомнил о «Борисе Годунове» при передаче на русский лад другого из двух размеров, [л. 42] которым Еврипид пользуется в диалогических частях своей трагедии. Разумею трохайческий тетраметр, т. е. стих, состоящий из восьми трохеев. Стих, которым написана «Пропущенная» сцена из «Бориса Годунова».

«Что за скука, что за горе наше бедное житье!» по форме стоп, по их числу и по месту цезуры настолько точно соответствует названной стихотворной форме, насколько вообще тонический стих может соответствовать метрическому. Именно здесь, при воспроизведении этой формы, благодаря примеру, показанному Пушкиным, давалась переводчику возможность переводить «с соблюдением метров подлинника». Вместо того, не объясняя, зачем и почему, он предпочел заменить восьмистопный трохей оригинала шестистопным (ст. 651 сл., 657) и даже пятистопным (ст. 653, 654, 656, 658, 659, 660, 661 и сл.).

[л. 42 об.] В таком сравнительно мало употребительном размере, как трохайческий, это беспокойное колебание между формой шестистопной и пятистопной может, пожалуй, пройти незамеченным. Но, по моему мнению, вовсе уже неизвинительно такое колебание в трагических ямбах. А у нашего стихотворца-переводчика между пятистопными ямбами то и дело попадаются стихи более длинные, а иногда и более короткие, чем следует.

По моему счету шесть, а не пять стоп имеет, например, стих 4-й: «Огнем Зевесовой грозы поражена», стих 378: «И жалкой глупостью своей меня не пачкай (!)» и очень-очень многие другие (ст. 16, 28, 31, 33, 51, 213, 225, 228, 243, 273, 274, 295, 297, 302, 305, 312, 314, 318, 332, 334, 339, 340, 346, 379, 387, 388, 470, 475, 477, 505, 529, 533, 544, 545, 548, 723, 725, 730, 734, 736, 738, 742, 743, 746, 748, 749, 750, 755, 759, 778, 787, 789, 791, 792, 797, 798, 799, 800, 802, 803, 808, 810, 818, 828, 834, 839, 846, 848, 849, 850, 852, 865, 867, 871, 873, 890, 902, 910, 918, 995, 1002, 1020, 1024, 1030, 1032, 1033, 1078, 1080, 1092, 1095, 1096, 1098, 1109, 1118, 1120, 1122, 1147, 1148, 1165, 1172, 1173, 1207, 1209, 1243. Хоть длинен список, за полноту его не ручаюсь.)

По четыре только стопы имеют стих 44-й «В груди, и сколько в Фивах сам?» и некоторые другие (ст. 182, 238, 259, 549, 782, 1085).

Эти погрешности стихосложения не мешают, конечно, переводу г. Анненского, хотя он и не дает ничего нового, ничего самостоятельного для объяснения Еврипидовской трагедии, быть трудом почтенным и полезным и стоять выше многих переводов с греческого, явившихся у нас в последнее время, когда за это дело так часто берутся люди, не владеющие ни греческим языком, ни русским. Но, так как, по правилам о премиях А. С. Пушкина, [л. 43] переводы поэтических произведений допускаются на конкурс наравне с оригинальными сочинениями, а от оригинальных произведений изящной словесности требуется для награждения премиями высшее художественное достоинство, то — надо думать — это требование имеет силу и в отношении к переводам.

Право судить о том, может ли быть признано такое художественное достоинство за переводом, отличающимся выше отмеченными свойствами, принадлежит не мне, а Отделению русского языка и словесности.

ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 3. Д. 12. Л. 22–43.